

Хорхе Луис БОРХЕС

ДВА ЭССЕ

перевод с английского Михаила Хазина

Х.Л.БОРХЕС /р.1899/ - аргентинский писатель, автор сборников рассказов и эссе "Всеобщая история бесчестья" /1935/, "История вечности" /1936/, "Вымыслы" /1944/, "Алеф" /1949/, "Сообщение Броуди" /1970/, книг стихотворений, статей; составитель антологий. Лауреат многочисленных премий.

Я прочитал несколько дней назад, что человеком, приказавшим возвести почти бесконечную Китайскую Стену, был тот самый Первый Император, Шихуанди, который повелел сжечь все существовавшие до него книги. То, что две эти колоссальные операции — пятьсот-шестьсот-лиг камня для защиты от варваров и безжалостное уничтожение истории, то есть прошлого, — дело рук одного человека, необъяснимо порадовало и в то же время обеспокоило меня. Разобраться в причинах таких чувств — цель этой статьи.

С точки зрения исторической, в этих двух мероприятиях нет никакой загадки. Современник походов Ганнибала, Шихуанди, правитель империи Цинь, объединил под своим владычеством шесть царств и отменил феодалную систему: он воздвиг стену, так как это было наилучшей защитой от врагов; он сжег книги, потому что его противники обращались к ним, дабы воздать хвалу владыкам прежних времен. Правителям нередко приходится уничтожать книги и строить укрепления; единственное, что отличает Шихуанди, — масштаб действий. Так считают некоторые синологи, но мне кажется, что факты, которые я привел, есть нечто большее, чем преувеличение или гипербола обычных намерений власти. Обнести стеной город или сад — неудивительно, но речь идет о целой империи. Странно также претендовать на то, чтобы один из древнейших народов отказался от прошлого, мифического или реального. Китайская хронология насчитывала три тысячи лет /за это время были и Желтый Император, и Чжуан-цзы, и Конфуций, и Лао-цзы/, когда Шихуанди повелел, чтобы история началась с него.

Шихуанди изгнал свою мать за распутство, в этом суровом наказании ортодоксы видели лишь нечестивость; возможно, Шихуанди хотел искоренить священные тексты, потому что находил в них порицание своего поступка; может быть, он пытался уничтожить все прошлое только для того, чтобы лишиться воспоминания о позоре своей матери. /Не таким ли образом царь Иудеи приказал истребить всех младенцев мужского пола ради убийства одного?/ Это предположение заслуживает внимания, но оно ничего не говорит нам о стене, второй части легенды. Согласно историкам, Шихуанди запретил упоминать о смерти, искал эликсир бессмертия и заперся в пышном дворце, где было столько же комнат, сколь-

ко дней в году: по этим фактам можно предположить, что стена в пространстве и огонь во времени были магическими преградами, предназначенными для того, чтобы задержать смерть. Все сущее стремится к продолжению своего существования, писал Барух Спиноза; возможно, Император и его маги верили, что бессмертие существует, а дряхлость не способна проникнуть в замкнутое пространство. Возможно, Император пытался восстановить начало времени и назвал себя Первым, и чтобы быть действительно первым, взял себе имя Хуанди, дабы каким-то образом сделаться легендарным Императором Хуанди, который изобрел письменность и компас. Последний, согласно "Книге Преданий", давал предметам их настоящие названия; параллельным образом, Шихуанди хвастал в сохранившейся записи, что все вещи в его царстве будут иметь соответствующие им имена. Он мечтал об основании бессмертной династии, приказал называть своих наследников: Второй Император, Третий Император, Четвертый Император и так далее до бесконечности... Я уже говорил о магической цели; впору бы также предположить, что возведение стены и сожжение книг не были актами одновременными. Это /в зависимости от выбранного нами порядка/ дало бы образ правителя, который начал уничтожать, а потом ринулся сохранять; или же разочарованного владыки, испепелившего то, что сам прежде защищал. Оба эти предположения достаточно эффектны, но у них, насколько мне известно, отсутствует историческое подтверждение. Герберт Аллен Гайлс говорит, что тех, кто скрывал книги, жгли раскаленным железом и приговаривали к пожизненному сооружению гигантской стены. Эти сведения, однако, допускают и другую интерпретацию. Возможно, стена была метафорой, и Шихуанди приговаривал тех, кто почитал прошлое, к задаче столь же непомерной, тяжелой и бесполезной, как и само прошлое. Возможно, стена была своего рода вызовом, и Шихуанди думал: "Люди любят прошлое, и ни я, ни мои палачи ничего не могут с этим поделать, но когда-нибудь появится человек, который будет жить моими мыслями, он сотрет память обо мне, станет моим отражением, но не узнает об этом". Возможно, Шихуанди обнес Империю стеной, потому что знал, что она непрочна, и уничтожил книги, потому что понимал, что это священные книги, то есть они говорят о том, чему учит вселенная и разум каждого человека. Возможно, сожжение библиотек и возведение стены — действия, неким таинственным образом компенсирующие друг друга.

Крепкая стена, вечно отбрасывающая витиеватую тень на земли, которые я никогда не увижу, есть отражение Владыки, приказавшего древнейшему из народов сжечь свое прошлое: вполне вероятно, что эта мысль уводит нас в сторону от других версий. /Может быть, нравственная сила заключена в противоборстве созиданию и разрушению в огромном масштабе./ Обобщая вышесказанное, мы можем сделать вывод, что все формы обладают ценностью, заключенной в них самих, а не в каком-то предполагаемом "содержании". Это согласуется с мыслями Бенедетто Кроче; Патер уже в 1877 году утверждал, что все искусства восходят к музыкальному состоянию чистой формы. Музыка, ощущение счастья, мифология, источенные времени лица, сумерки и некоторые точки пространства пытаются сказать нам или уже сказали что-то, что мы, должно быть, упустили; неминуемость этого ненаступающего раскрытия есть, вероятно, эстетический феномен.

ВАЛЕРИ КАК СИМВОЛ

Ставить рядом имена Уитмена и Поля Валери — поступок, на первый взгляд, опрометчивый и /что намного хуже/ неуместный. Валери — символ бесконечного мастерства и в то же время бесчисленных сомнений; Уитмен — почти бессвязных, но титанической силы образов. Валери блистательно персонифицирует лабиринты мышления, Уитмен — экзальтацию плоти. Валери — символ Европы, ее хрупкие сумерки, Уитмен — утро Америки. Во всей литературе вряд ли найдется два более антагонистических применения слова "поэт". Тем не менее, есть и объединяющий фактор: труд обоих писателей ценен не столько как поэзия, а скорее, как образ достойного подражания поэта, созданного этим трудом. Так английский поэт Лэселз Эберкромби хвалил Уитмена за создание "из богатства своего великого опыта яркой, самобытной личности — одного из немногих по-настоящему великих творений поэзии нашего времени: создание самого себя". Высказывание туманное и преувеличенное, но есть в нем единственное достоинство: оно не отождествляет Уитмена, писателя и приверженца Теннисона, с Уитменом — полубожественным героем "Листьев Травы". Различие это весьма обосновано: Уитмен создавал свои тексты от лица вымышленной личности, комбинации из самого себя и всех своих читателей. Отсюда раздражавшие критиков противоречия, отсюда привычка датировать стихи местами, где он никогда не бывал, отсюда же тот факт, что на одной странице своих произведений Уитмен пишет, что родился в южных штатах, а на другой /как и было в действительности/ — на Лонг Айленде.

Одна из задач композиций Уитмена — описание предполагаемого человека — Уолта Уитмена — беззаботного счастливца; не менее гиперболизированной и иллюзорной фигурой является человек, описанный в сочинениях Валери. Последний не презносит, в отличие от Уитмена, способностей человека к филантропии, страсти и наслаждению, но воспекает достоинства разума. Валери создал Эдмона Теста; этот персонаж мог бы стать одной из легенд нашего времени, не осудимы его в глубине души, как обычного *alter ego* Валери. Для нас Валери — это Эдмон Тест. Другими словами, Валери — производная от шевалье Дюпена Эдгара По и непостижимого Бога теологов, существование которых, скорее всего, сомнительно.

Йетс, Рильке и Элиот писали, в отличие от Валери, легко запоминающиеся стихи. Джойс и Стефан Георге осуществили более глубинную

перестройку поэтических средств /возможно, на французском это труднее, нежели на английском и немецком/; но за произведениями этих выдающихся изобретателей стоит личность, несравнимая с личностью Валери. То обстоятельство, что личность Валери является, некоторым образом, проекцией его произведений, не приуменьшает данного факта. Нести людям ясность и понимание в эпоху дешевого романтизма, в меланхолические времена нацизма и диалектического материализма, в эпоху авгуров фрейдизма и купцов сюрреализма — такова благородная миссия, которую Валери выполнил /и продолжает выполнять/.

От Поля Валери остался символ человека бесконечно чувствительного, человека, для которого каждое явление есть стимул, порождающий бесконечную цепь рассуждений. Человека, который превосходит собственные характерные особенности, человека, о котором можно сказать словами Уильяма Хэзлитта о Шекспире: "сам по себе он ничто". Человека, чьи восхитительные тексты неисчерпаемы, безграничны в своем всеобъемлющем разнообразии. Человека, который в эпоху поклонения мельтешащим идолам крови, праха и страсти, предпочитает наслаждения, которые приносит разум и таинственные процессы миропорядка.